

КРИС
БАУЭРС

НОВАК ДЖОКОВИЧ

ГЕРОЙ ТЕННИСА И ЛИЦО СЕРБИИ

Крис Бауэрс

**Новак Джокович – герой
тенниса и лицо Сербии**

«Олимп-Бизнес»

Бауэрс К.

Новак Джокович – герой тенниса и лицо Сербии / К. Бауэрс — «Олимп-Бизнес»,

Новак Джокович не просто один из величайших в мире теннисистов – в сущности, он полномочный представитель своей родины, Сербии. А это – задача непростая, если вспомнить о той реакции, которую вызвали в мировых СМИ действия Сербии в югославских войнах 90-х гг. XX в. По сей день у многих людей слово «Сербия» ассоциируется со словами «кровавые преступления». В исследовании Криса Бауэрса, посвященном Джоковичу и его родине, по сути, два главных действующих лица. Одно – это сам Новак, сначала мальчик из небогатой семьи, которому посчастливилось встретить женщину, не только научившую его играть в теннис, но и открывшую путь к славе первой ракетки мира; затем подросток и юноша, поставивший перед собой великую цель; и наконец – нынешний Новак Джокович: суперзвезда мировых турниров, любимец Сербии и основатель известного благотворительного фонда своего имени. Подробно, с увлечением (и не обходя острых углов) рассказывает автор об этой незаурядной личности, о его победах и поражениях, о силе воли и необычайной целеустремленности, о достижениях на корте, прославивших его родину. Вторым действующим лицом является сама эта родина, Сербия. Бауэрс откровенно высказывается о ее роли в войнах 1990-х гг. и предлагает свое объяснение истории и жизни народа с его непростым прошлым. Кроме того, в книге изложены взгляды самого Джоковича, которыми он поделился с автором, рассказывая о своей деятельности в качестве представителя Сербии в мире.

© Бауэрс К.
© Олимп-Бизнес

Содержание

Вступление и благодарности	7
Глава первая	13
Глава вторая	16
Глава Третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Крис Бауэрс

Новак Джокович – герой тенниса и лицо Сербии

Посвящается моей дочери Тамаре, которой на протяжении целых 15 месяцев ее жизни наверняка казалось, что папой она вынуждена делиться с каким-то сербским спортсменом.

Вступление и благодарности

Вуковар, Сребреница, Мостар, Баня-Лука. В 1990-е годы названия этих югославских городков каждый вечер звучали в выпусках телевизионных новостей. С той же частотой повторялись имена Слободана Милошевича, Франьо Туджмана, Алии Изетбеговича, Радована Караджича, Ратко Младича – главных действующих лиц четырех войн, которые привели к распаду Югославии. Преобразование Европы после Второй мировой войны на основе экономической взаимозависимости входящих в нее государств должно было предотвратить будущие войны в Европе. Но через 46 лет после окончания войны и через 34 года после основания сообщества, которое сейчас именуется Европейским Союзом, соседи ополчились друг против друга в одной из самых ужасающих схваток, которая, по заявлению трибунала ООН, сопровождалась настоящим геноцидом. И все это происходило на европейской земле.

Велик соблазн видеть в войнах некие отрезки времени, которые потом можно вычеркнуть: с 1914 по 1918 г., с 1939 по 1945 г. Но так не бывает. Жизнь не останавливается, несмотря на все ужасы и лишения. Люди учатся выживать, продолжают давать образование детям. Водят их в танцевальные классы, к музыкальным преподавателям, на спортивные занятия точно так же, как делали бы это в мирное время. Тот факт, что из растерзанной Второй мировой войной Югославии вышло несколько одаренных спортсменов, не должен вызывать особого удивления. Но то, что целых шесть теннисистов мирового класса являются выходцами из Сербии, страны с населением всего 7,1 млн человек, площадью 88 тыс. квадратных километров и фактически без традиций этой игры, производит впечатление. Новак Джокович, Ана Иванович, Елена Янкович и Ненад Зимонич за несколько лет вышли на первое место в мировом рейтинге: первые трое – в одиночном разряде, а Зимонич – в парном. Если добавить к ним Янко Типсаревича, который поднялся до восьмого места в рейтинге и продержался два года в первой десятке, и Виктора Троицки, однажды достигшего 12-го места в мире, то перед нами предстанет удивительное поколение, почти не уступающее шведам, которых больше всего-то на миллион-полтора, но которые породили феноменальную плеяду теннисистов, господствовавших в командном теннисе с середины 1970-х до конца 1990-х гг. И завоевавших много громких титулов.

Самый титулованный из шести упомянутых выше сербских теннисистов – несомненно Джокович. Хотя не следует недооценивать и достижения Иванович, выигравшей в 2008 г. открытый чемпионат Франции и добравшейся до вершины мирового рейтинга в одиночном женском разряде. Однако на этой позиции она продержалась всего несколько недель и ни разу даже не приблизилась ко второй победе на турнире Большого шлема. Ана Иванович – обаятельная и на редкость симпатичная посланница своей страны, но, увы, ее результаты все снижаются и снижаются. Янкович – одна из трех теннисисток, которые поднялись на первую строчку рейтинга, не выиграв ни одного турнира Большого шлема в одиночном разряде. Это, конечно, тоже достижение, говорящее о феноменальной спортивной форме Аны в 2008–2009 гг., но дальше она начала отставать от ведущих теннисисток.

Джокович же, напротив, выиграл восемь чемпионских титулов Большого шлема, и теперь ему недостает только выигрыша в Открытом чемпионате Франции, чтобы числиться победителем всех четырех турниров Большого шлема. Мало того, он доказал, что по харизматичности и авторитету он стоит на той же ступеньке, что Роджер Федерер и Рафаэль Надаль, и так же, как и они, способен представлять свой вид спорта и подавать пример доброжелательности и достойного поведения. А это имеет огромное значение для его родины.

Спортивные результаты, которые говорят сами за себя, естественная харизма, которую лишь подчеркивают его шуточные подражания своим товарищам-профессионалам, привычка громко обращаться к тренеру во время матчей, ныне практически исчезающая... Ну, и на ред-

кость словоохотливый отец. Всего этого у Джоковича не отнять. Однако никому еще не приходило в голову связать успехи и личность выдающегося спортсмена с тем, что происходило на его родине в кровопролитных 1990-х годах. Эта книга – как раз и есть такая попытка.

Заманчиво, хоть и не совсем верно, было бы сказать, что идея этой книги начала воплощаться в жизнь в сентябре 2010 г.

В то время я впервые побывал в Белграде, освещая в прессе полуфинал Кубка Дэвиса между Сербией и Чешской Республикой. Я прибыл туда в среду вечером, связался с коллегами и узнал, что они договорились перекусить в ресторане «У Новака» – одном из двух белградских ресторанов, принадлежащих Новаку Джоковичу. Подумать: моя первая белградская трапеза состоится в ресторане, хозяин которого прославил Сербию! Вдобавок это всего в квартале от Белградской Арены – крытого стадиона на 17 тыс. мест, центра сербского тенниса.

На следующее утро мне предстояло взять у Джоковича интервью для телевидения, и, пока мы ждали, когда операторы закончат со своими делами, я сообщил собеседнику, что накануне вечером побывал у него в ресторане. Естественно, он поинтересовался, что я думаю об этом заведении. Я замаялся, прикидывая, как бы повежливее объяснить, что еда была отличной (это правда), но ждать ее пришлось довольно долго (с тех пор я узнал, что приносить заказы в сербских ресторанах вообще не торопятся, а «У Новака» наше ожидание было не самым долгим). Но я так ничего и не сказал, потому что Джокович перебил меня: «Сам знаю: там было слишком накурено, да?» Пришлось согласиться, и он ответил: «Да, мы стараемся, но такие вещи не сделаешь с кондачка».

Поразительно – эта короткая фраза мгновенно высветила то обстоятельство, что Джоковичу приходится одновременно играть как бы две роли. Он совершенно свободно чувствует себя за пределами Сербии, в западноевропейской и североамериканской культурах, где курение в общественных местах сейчас неприемлемо (и чаще всего запрещено), где во всех хороших ресторанах предлагают блюда, полезные для здоровья, и где патриотизм приветствуется, а национализм, особенно ярко выраженный, вызывает подозрения. Но столь же свободно чувствует он себя и на родине, правда, несколько изменив стиль: здесь он чуть больше походит на ура-патриота, охотно подхватывает сербские песни и даже демонстрирует некоторую склонность к неприкрытому национализму. По крайней мере, так показалось мне. Сам Джокович отрицает это, утверждая, что всегда и везде ведет себя одинаково: «Я всегда стараюсь относиться уважительно и доброжелательно к каждому человеку, из какой бы страны он ни прибыл и где бы я в этот момент ни находился. В том числе и к своим соотечественникам». Возможно, намерения Джоковича и вправду таковы, но меня не покидает ощущение, что на родине он неуловимо меняется.

Этот краткий разговор хоть и не сподвиг меня на замысел книги, но сыграл важную роль, когда в 2012 г. ко мне обратилось издательство John Blake Publishing с предложением написать о Джоковиче. Первым делом я связался с агентом Джоковича, чтобы выяснить, нет ли возможности сделать будущую книгу авторизованной биографией или автобиографией в обработке такого-то журналиста. Мне сообщили, что ответ в том и другом случае отрицательный, так как Джокович собирается сам написать книгу после завершения спортивной карьеры. Оставалось или взяться за авторскую биографию, или не браться за нее вообще. Но поскольку «авторским» способом я уже написал биографию Роджера Федерера и несколько раз вносил в нее поправки, то не горел желанием работать над биографией еще одного теннисиста и сообщил в издательство, что не возьмусь за книгу о Джоковиче.

Сотрудники издательства John Blake Publishing снова обратились ко мне, объяснив, что чрезвычайно заинтересованы в книге о Джоковиче – может быть, я передумаю? Я подумал-подумал и вспомнил только что рассказанную вам историю. А что? Ведь Джокович служит связующим звеном между двумя культурами: сербской и мировой. Кроме того, западный мир так мало понимает жизнь Сербии! И вернулся в издательство с предложением книги, представ-

ляющей собой сочетание двух историй – самого Джоковича и его родины. Мое предложение было сразу же принято – так и появилась эта книга.

Для того чтобы такая книга состоялась, автору необходима толика везения, и в двух случаях мне определенно повезло.

Сначала я получил по электронной почте письмо от Криса Бауэрса. Не подумайте, это не клинический случай бесед с самим собой. У меня есть тезка, который работал на «Би-би-си» в то же время, что и я, и он связался со мной, чтобы по прошествии двадцати лет, не выдержав угрызений совести, сообщить, как однажды принял предложение на ужин от одной поклонницы, которая, как выяснилось, слышала по радио мой, а не его голос. Это признание показалось мне трогательным, и, несомненно, немного лестным, но самым важным в нем был адрес моего тезки. Я сообразил, что он работает в британском Министерстве иностранных дел и что через него я смогу восстановить связь с его коллегой и моим давним товарищем, теннисистом Майком Дейвенпортом. А Майк оказался новоиспеченным британским послом в Белграде и позже оказал мне неоценимую помощь в сборе материалов для этой книги. Поэтому признание Криса я воспринял с радостью.

Во второй раз мне повезло, когда удалось взять важнейшее интервью – интервью, которое я к тому же считаю одним из самых удачных за всю мою журналистскую карьеру.

Еще приступая к работе над книгой, я понял, что важнее всего побеседовать с Еленой Генчич – женщиной, которая научила Новака играть в теннис. В марте 2013 г. я неожиданно отправился в Белград – поездка туда была запланирована лишь на следующий месяц, но я хотел убедиться, что интервью, о которых я просил, действительно организованы, потому и решил, что лучше провести разведку заранее. Именно во время этой разведки Генчич не только согласилась встретиться со мной, но и уделила мне два с половиной часа в ее любимом кафе «Озон» в белградском пригороде Дединье. Вопрос о радиопередаче Desert Island Discs возник почти в самом начале, и, когда она упомянула адажиетто Малера, я прервал ее вопросом: «Вы имеете в виду „Адажиетто“ из 5-й симфонии?» У нее загорелись глаза. «А, так вы его знаете», – сказала она, после чего между нами установилось удивительное взаимопонимание. Уходя из кафе, в приливе чувств я даже обнял ее, хотя мы и были знакомы всего два часа.

На следующий день я переваривал услышанное, и передо мной начинала вырисовываться глава этой книги «Ноле и Еца». Все выглядело слишком замечательно, и потому неправдоподобно. Генчич напомнила мне мою бабушку – прекрасную рассказчицу, но отчасти Märchentante – это немецкое слово означает любителя не просто рассказывать истории, но и приукрашивать их. Тогда я спросил приятельницу, которая познакомила меня с Генчич, можно ли верить ее словам. Собеседница была озадачена. Я объяснил, что это слишком похоже на сказку – образованная женщина, представительница старой югославской интеллигенции, выказала полное сходство взглядов с мальчишкой из сравнительно простой семьи и научила его куда большему, чем ударам справа и слева; поэтому мне хочется убедиться, что все это не выдумки, цель которых – произвести впечатление на заграничного журналиста. Моя приятельница, которая была довольно близко знакома с Генчич, заверила меня, что ее подруга не из тех, кто любит что-то приукрашивать, по крайней мере, в серьезных вопросах, и всегда придерживается того, что считает истиной.

Когда через месяц я вернулся в Белград, Елена с сестрой приняли меня в своем доме. Жаль, что я так и не смог по достоинству оценить кофе по-турецки, которым они меня угощали. Если честно, он показался мне вполне омерзительным, но прием был по-настоящему радушным. Я восхищался спортивными трофеями Елены, задавал ей очередные вопросы и уточнял некоторые подробности предыдущего интервью. Когда я уходил, она пообещала в случае необходимости дать любые пояснения, если я свяжусь с ней по электронной почте. Но эта встреча стала для нас последней.

Елена Генчич умерла 1 июня 2013 г. Я понятия не имел, что она уже некоторое время боролась с раком груди – но не он стал причиной ее ухода. Большинство близких знали про ее болезнь и про то, что она ее победила. Но лишь немногим было известно, что она также страдала раком печени – вот он ее и убил. Я видел Елену за пять недель до смерти. Она проводила по 7–10 часов в день на теннисном корте – сама не играла, но давала тренерские указания. Судя по ее виду, она твердо намеревалась отметить будущее девяностолетие, однако ее жизнь оборвалась в возрасте 76 лет.

Я получил сообщение о смерти Елены на мобильный телефон. В тот момент я находился на турнире «Ролан Гаррос», и в сообщении мне было строго запрещено делиться этим известием с кем-нибудь из окружения Джоковича до начала его матча в третьем круге с Григором Димитровым. Совет оказался мудрым: покинув корт и узнав о случившемся, Джокович расплакался и сразу же отменил все встречи с журналистами, настолько он был расстроен. После победы в четвертом круге он без конца говорил о Елене Генчич, и его десятиминутная пресс-конференция на английском была посвящена почти исключительно ей. Этот субботний вечер запомнился мне непривычными эмоциями – я скорбел о человеке, с которым встречался всего два раза и почти не знал его, и вместе с тем мне казалось, что мы были близко знакомы. Кроме того, я последним из журналистов брал у Елены Генчич официальное интервью, поэтому меня охватила неловкость, к которой примешивалась радость оттого, что я успел поговорить с ней, и безмерная печаль оттого, что она умерла, хотя была еще полна жизненной силы.

По этой причине несколько месяцев после ее смерти я гадал, не слишком ли я поддался эмоциям, работая над главой, посвященной ей. И не отвел ли ей в истории Джоковича более важную роль, чем она заслуживает? Думаю, все же нет. Джокович объявил, что свой уимблдонский титул 2014 г. посвящает Генчич, и хотя он, скорее всего, достиг бы вершин успеха в теннисе и без усилий Генчич, я по-прежнему убежден, что без ее влияния он не стал бы личностью, какой является сегодня, и что его путь на эту вершину не был бы столь гладким. Ведь у Джоковича действительно есть проблемы со здоровьем, которые ему пришлось преодолевать методом многочисленных проб и ошибок. Согласился бы он принять холистический подход некоего Игоря Четоевича, если бы не привык с ранних лет к свойственной Генчич широте взглядов? Или развился бы у него тот особый склад личности, который позволил ему существовать в двух мирах – в своей неистово патриотической Сербии и в глобальном сообществе, полюбившем Джоковича, но по-прежнему с недоверием относящемся к стране, откуда он родом? Было бы неправильно преувеличивать роль Генчич в становлении Джоковича как теннисиста, ведь она никогда не сопровождала его в поездках, и сам он, вступив в зрелый возраст, на протяжении четырех лет не поддерживал с ней никакой связи. И тем не менее я убежден, что Елена Генчич заслуживает отдельной главы.

Увидев биографическую книгу, люди обычно спрашивают, «авторизованная» она или нет. Я недолюбливаю термин «авторизованный», так как он подразумевает некую официальность, контроль героя над содержанием биографии. У меня не было ни малейшего желания писать книгу о Новаке Джоковиче под его приглядом – он достаточно умен и, если захочет, может сам написать книгу и изложить в ней все, что пожелает (что он, скорее всего, и сделает рано или поздно). Эта книга будет иметь ценность как рассказ самого Джоковича о своей карьере, как история событий, показанных изнутри, однако трактоваться они будут лишь одной стороной – самим Джоковичем. В своей же книге я стремился представить точки зрения разных людей и заодно показать, какое влияние многие люди оказали и до сих пор оказывают на его жизнь и карьеру.

Следовательно, перед вами независимая биография Джоковича и Сербии. Это мой взгляд на него и на его родину. Читатели вправе не согласиться со сказанным мной, тем более что это скорее частное мнение, нежели объективное исследование. Что касается отношения самого Джоковича, то, поскольку через какое-то время он сам хочет взяться за собственную биогра-

фию, он не приветствовал общение своих ближайших родственников со мной, и я с уважением отнесся к его желанию. Члены его команды связаны соглашением о конфиденциальности, однако многие люди, близкие к нему, охотно беседовали со мной, за что я им искренне благодарен. Сам Джокович помог мне, ответив на ряд вопросов о своей роли спортивного и политического деятеля.

Прояснить этот момент важно по той причине, что Джокович – истинная суперзвезда. «Вы понимаете, что жизнь в стране практически останавливается, когда он играет?» – спросил Гай Де Лони, белградский корреспондент «Би-би-си», когда я встретился с ним, чтобы узнать его мнение о некоторых главах, посвященных Сербии. Друг Джоковича Душан Вемич подтверждает: «Когда Новак играет важные матчи турниров Большого шлема, улицы пустеют. Все сидят по домам и болеют за него». То есть Джокович приобрел в Сербии во многом заслуженный статус «мирского святого». Тем не менее по-прежнему важно оценивать его беспристрастно. Вот почему в некоторых местах этой книги я отзываюсь о нем критически, – но не потому, что имею что-то против выдающегося теннисиста, а просто потому, что он человек, существо из плоти и крови, а в наш век звезд и суперзвезд важно уметь видеть, что даже те, перед кем мы готовы падать ниц, сочетают в себе разные качества – как хорошие, так и не очень.

Немного о диакритических знаках. В орфографии стран Центральной и Восточной Европы используется ряд таких знаков, многие из них отражают транслитерирование славянских имен с кириллицы на латиницу. Мне пришлось решать, оставлять эти диакритические знаки или нет, и, если рассуждать реалистично, компромисс в этом вопросе невозможен. Мне, как человеку, выучившему три языка помимо родного, интуиция подсказывала, что диакритические знаки необходимо оставить, но в конце концов я предпочел не делать этого. Главной причиной стало то, что фамилия Джоковича, «Djoković» – вестернизированная форма записи его фамилии на родине. Латиницей она пишется как «Đoković», а буква j добавляется в тех случаях, когда в шрифте нет «Đ» (точно так же, как в немецком языке добавляется e, когда в шрифте отсутствует умляут, и тогда «Schüttler» превращается в «Schuettler», «Görges» становится «Goerges», и пр.). Поскольку Новак известен во всем англоязычном мире как «Djokovic», было бы явным противоречием на протяжении всей книги называть его «Đoković», а отсюда логически вытекает и отказ от всех прочих диакритических знаков. Прошу прощения у коллег-лингвистов, считающих это решение неверным.

Раз уж мы заговорили об именах, разрешите мне заодно предпринять попытку покончить с наболевшим вопросом: как произносится первая гласная в фамилии «Джокович». Американцы считают, что ее следует произносить как в слове «joke», а остальной мир склоняется к произношению как в слове «jock». Первый вариант возник из убеждения, что лучше всего произносить так, как произносит свою фамилию ее обладатель. Споры продолжались даже во время Открытого чемпионата Австралии 2013 г., когда Джим Курье в интервью на корте после матча задал вопрос с таким расчетом, чтобы услышать от Джоковича точное произношение злополучной гласной.

Сама идея спросить у человека, как он произносит свою фамилию, хороша, но не учитывает элементарный факт: как тот же человек произносит другие слова с той же гласной. Если послушать, как Джокович выговаривает такие слова, как «on» и «over», становится ясно, что свою фамилию он сам (и другие сербы) произносит с той же гласной, как в «on», а не в «over». Значит, произношение как в слове «jock» корректно, и весь англоязычный мир может вздохнуть с облегчением, поскольку правильное произношение – скорее как в слове «og» (Djokovic), чем в «jock» или в «joke». Если американцы скажут в свое оправдание, что гласная в имени «Новак» звучит почти как в фамилии «Джокович», тогда англоязычному миру следовало бы произносить ее в имени «Новак», как в слове «of», а в фамилии «Джокович» – как в «jock». Но, несомненно, споры будут бушевать на протяжении всей спортивной

карьеры Джоковича, а отделы орфоэпии на радио и телевидении – оправдывать свое существование.

И наконец, я не выпустил бы эту книгу без помощи множества людей. Я перечисляю их здесь в алфавитном порядке – с благодарностью большей, чем я могу выразить на бумаге, и с опасениями, что я кого-то забыл: Эдоардо Артальди, Саймон Кэмберс, Игорь Четоевич, Эстель Кудерк, Майкл Дейвенпорт, Гай Де Лони, Елена Генчич, Митци Ингрэм-Эванс, Горан Иванишевич, Ана Иванович, Момир Еловач, Кэти Дженкинс, Джонатан Джобсон, Ладислав Кис, Анжела Лавински, Дэвид Лоу, Иван Любичич, Стефан Лукич, Дженис Маккинли, Неда Милетич, Хэлен Маккарти, Джоанна Мэтер, Питер Майлс, Стюарт Миллер, Зоран Милосавлевич, Ана Митрич, Владимир Новак, Богдан Обрадович, Деян Петрович, Риккардо Пьятти, Ники Пилич, Моника Селеш, Грег Шарко, Чедомир Соскич, Топлица Спасоевич, Воин Величкович, Гэвин Верси, Небойса Вискович и Джонатан Уилсон. Отдельная благодарность Тоби Бакану, моему редактору в издательстве John Blake Publishing, с которым, как мне кажется, у нас получилось очень плодотворное сотрудничество.

Крис Бауэрс, июль 2014 г.

Глава первая

Смещение народов

Философ и автор путевых дневников Герман Кайзерлинг некогда писал: «Я не датчанин, не немец, не швед, не русский и не эстонец, так кто же я? – Сберише всех, кого перечислил». В эпоху, когда легкость сообщения людей между собой превратила межнациональные браки в рядовое явление, вряд ли кто-нибудь особенно удивится, обнаружив, что самый известный в мире знаменосец Сербии Новак Джокович – потомок разных народов. Но он хотя бы родился в Сербии – в отличие от индийского духовного лидера Махатмы Ганди, родившегося в Южной Африке, или самого большого патриота из игроков Кубка Дэвиса, американца Джона Макинроя, уроженца Германии. Судя по этническим корням Джоковича, вполне можно утверждать, что он наполовину черногорец, а наполовину хорват.

Имеет ли это какое-либо значение? Почти никакого. Как говорит близкий друг Джоковича Иван Любичич: «Для того чтобы быть патриотом, не обязательно быть националистом». А Любичич знает об этом не понаслышке: родившись в боснийском городе Баня-Лука, в семье боснийской мусульманки и хорвата-католика, он с трудом сумел пробраться через Хорватию в относительно безопасную Италию во время югославских войн 1990-х гг. Он стал национальным героем Хорватии, когда обеспечил еще молодой республике титул победителя Кубка Дэвиса в 2005 г., одержав рекордное количество побед – 11 подряд. Все матчи шли в прямой трансляции. На Балканах тысячи людей появились на свет в межнациональных браках, что только расширяет балканскую армию болельщиков Джоковича.

При попытке проследить родословную прославленного теннисиста выясняется, что сведения о ней фрагментарны, однако его первым неопровержимым предком является Джоко Дамьянович, который, похоже, получил фамилию «Джокович» в 1730 г. Суффикс «-вич» означает «сын такого-то» – как «son» в Англии, «Mc/Mac» в Шотландии, «O» в Ирландии и т. п. Так что дети Джоко Дамьяновича носили фамилию Джокович, которая передавалась по мужской линии. Дамьянович обзавелся домом в деревне Ясеново Поље (ее название означает «поле ясеней») неподалеку от черногорского города Никшич. В 1928 г. глава семьи Неделько Джокович переехал из Черногории на восток, в деревню Вочняк в области Метохия в Косово, в то время входившего в состав югославской республики Сербия. В 1951 г. сын Неделько Владимир, дед Новака, переселился в Митровицу – основное место проживания этнических сербов в Косово. В 1961 г. родился его сын Срджан, в 1964 г. – второй сын Горан.

Один Новак Джокович в роду уже имелся. Он вырос в Ясеново Поље, в 1905 г. эмигрировал в Чикаго, но вернулся, чтобы сражаться за свою родину. По-видимому, заполняя иммиграционную форму по прибытии в США, он в графе «гражданство» написал «Черногория», а в графе «национальность» – «черногорец». В то время Черногория уже была признанным суверенным государством, добившись определенной независимости в 1878 г. по тому же соглашению, согласно которому Сербия отделилась от Османской империи.

В 1986 г. Срджан женился на Дияне Загар. Она родилась в Белграде в январе 1964 г., в семье двух военнослужащих. Ее отец Зденка был старшим офицером Югославской народной армии, а также фармацевтом, занимавшимся закупками для военного госпиталя. Мать Елисавета была майором армии и главврачом военного госпиталя (сестра Дияны тоже стала фармацевтом). Их родина – городок Винковичи на востоке Хорватии, вблизи границы с Сербией, а в Белград семья переехала до рождения Дияны, когда Зденку перевели в военный госпиталь тогдашней столицы Югославии. Неудивительно, что у Джоковича масса родственников в окрестностях Винковичей.

И о той, и о другой семье известно очень мало. Немногочисленные интервью, которые дает Срджан, обычно посвящены его сыну или политике Сербии в области тенниса, а Дияна практически не дает интервью. Как говорит сербский автор Воин Величкович, пишущий о теннисе, «из-за неуравновешенности Срджана мы стараемся не выспрашивать у него подробности, чтобы не зайти слишком далеко; для теннисных обозрений мне не нужна информация такого рода». Кое-какие источники, ссылаясь на документы главного футбольного клуба Митровицы «Трепча», утверждают, что Срджан был среди его игроков. Было высказано еще одно предположение: исходя из того, что Срджан с Дияной давали уроки горнолыжного спорта, резонно полагать, что их основным увлечением был горнолыжный спорт. «Может, Срджан действительно играл в футбол, – говорит Величкович, – но этого никто не помнит. Если даже играл, то, скорее всего, не слишком хорошо. Мы только предполагаем, что он был хорошим горнолыжником, но и это из области догадок».

Известно, что в семье Дияны были неплохие волейболисты, но сама она почти не играла. Величкович добавляет: «Одна ее подруга рассказывала, что Дияна была очень способной гимнасткой. Гибкость Новака несомненна, и однажды в разговоре с ним я сообщил, что слышал, будто бы он унаследовал гены от матери, а не от отца. А он пошутил: „Да, я чемпион благодаря моей матери, а не отцу“. Но сама Дияна никогда не соглашалась давать интервью представителям СМИ – возможно, потому, что не хотела оказаться в центре внимания».

Человеком, имеющим некоторое представление о семье и доме Джоковича, была его первый тренер Елена Генчич. С этой семьей она познакомилась, когда Новаку исполнилось пять лет, примерно в то же время, когда умерла его бабушка с отцовской стороны. Елена Генчич вспоминала: «Отец Срджана, Владимир, которого называли дед Влада, был прекрасным человеком, очень теплым, радушным, приятным в общении. Его жена умерла в том же году, когда я начала работать с Новаком, поэтому я не была знакома с ней, но все отзывались о ней как о замечательной, чрезвычайно доброй женщине. Кто знает, может быть, Новак унаследовал свой гуманизм от нее? Семья была сугубо патриархальной, роль патриарха играл дед. Никто не смел приняться за еду, пока патриарх не сел за стол и не начал есть. И встать из-за стола мы тоже могли только с его разрешения. Так что Новак получил в семье отменное воспитание. Семья была простой ровно настолько, насколько это требовалось».

22 мая 1987 г. Срджан и Дияна отпраздновали в Белграде рождение своего первого сына Новака. Это случилось всего через четыре дня после 26-летия самого Срджана. В тот момент они владели белградским рестораном. Два года спустя, в условиях крайне нестабильной политической и экономической ситуации в Югославии супруги Джокович и брат Срджана Горан открыли второй ресторан, пиццерию, где в меню также входили блины, и бутик в Копаонике – горнолыжном курорте на границе с Косово, примерно в 50 км от Митровицы. Там семья проводила не весь год, а только пик горнолыжного сезона зимой и сезон туристических походов летом. Зимой они трудились как каторжные: давали уроки горнолыжного спорта днем и работали в ресторане по вечерам. Остальное время семья жила в Белграде.

В августе 1991 г. родился Марко Джокович, а в июле 1995 г. – третий сын, Джордже. Когда Новак пошел в школу, горнолыжный и походный сезоны ему пришлось проводить в белградской квартире недавно овдовевшего деда Влада, иногда по несколько недель подряд. Позднее, во время натовских бомбардировок Белграда в 1999 г., Новак прятался в подвале этого же дома. Когда в апреле 2012 г., во время турнира серии «Мастерс» в Монте-Карло, Влада умер, пресса отмечала, что Новак сделался сам на себя не похож. И в самом деле – он с трудом дошел до финала, в котором проиграл Рафаэлю Надалю. Смерть деда каждый воспринимает по-своему, но это был не просто дед – Влада заменял Джоковичу родителей и сыграл огромную роль в его жизни.

Такая «двойная» жизнь среди столичного ландшафта и в окружении гор провинциального Копаоника не только способствовала формированию личности Джоковича, но и наделила

его обостренным чувством родины. Отвечая на вопрос о том, где, как ему кажется, заключена душа Сербии, он сказал: «Очень трудный вопрос. У моей родины богатая многовековая история. Каждый камень, гора, город и деревня могли бы о многом рассказать, и я горжусь этим. Вот почему у нас, сербов, очень развито чувство принадлежности к своей стране – это из-за нашей истории. О Белграде слышали все, но в моей стране так много прекрасных городов и деревень, что людям следовало бы приехать и увидеть их. Тогда они узнают множество легенд о моем народе, правителях и правительницах... Честно говоря, мне кажется, что душа моей страны находится в деревушках на юге. Косово – колыбель сербской истории. Более 2000 монастырей и церквей на его территории – символ нашей культуры и истоков сербского православия. Белград – современная столица, где есть все, но истинная Сербия – на юге страны. Помню, как я еще ребенком подолгу жил в Копаонике и всякий раз восхищался панорамой Сербии, которая открывается с этих прекрасных и величественных гор».

Как любой пятилетний мальчишка, Новак любил погонять футбольный мяч, в очень раннем возрасте встал на горные лыжи. В семье до него никто не занимался теннисом. Когда однажды какой-то теннисный матч по телевизору увлек их старшего сына, Срджан и Дияна, вероятно, очень мало что могли сказать ему об этой игре. Но увиденное зажгло в нем искру, а уже через несколько недель судьба сведет Новака с женщиной, направившей его на путь к мировой славе.

Глава вторая

Кто такие сербы?

Пожалуй, для всех, кроме страстных любителей истории или современной политики, слово «Сербия» мало что значит. В сущности, у многих, даже у тех, кто не считает себя поклонником тенниса, оно ассоциируется прежде всего с Новаком Джоковичем. Если у кого-то сохранились смутные воспоминания о школьных уроках истории, то ему, наверное, известно, что Сербия имела какое-то отношение к началу Первой мировой войны, а тот, кто смотрел новости в 90-х гг. прошлого века, не раз слышал название «Сербия» рядом со словом «ужасы войны». Но даже тем, кто регулярно следил за новостями в 60-х, 70-х и 80-х гг. XX века, простиительно не знать, что такое Сербия и где она находится.

Причина в следующем: несмотря на то, что сербы еще с VI века населяли юго-восточную часть Европы, известную под названием Балканы, большую часть этого времени у них не было собственного государства. По сути дела, Сербия была суверенной всего три раза: в 1166–1459 гг., в 1878–1918 гг. и с 2006 г. до настоящего времени. Следовательно, сербы – ни в коей мере не молодой народ, однако страна у них молодая, отсюда и возможность для сербского спортсмена мирового уровня быть ее флагманом и вести деятельность ради блага своей родины. (Строго говоря, в английском языке слово «Serb» указывает на этническую принадлежность, а «Serbian» называют человека, имеющего гражданство Сербии, – немаловажная разница.)

Сербы – один из славянских народов. Поскольку славяне – четвертая по величине этнолингвистическая группа в мире, трудно дать им точное определение. Однако их относят к индоевропейцам и обычно делят на три подгруппы: восточные славяне, которые в настоящее время населяют Россию, Украину и Беларусь, а также некоторые области Центральной Азии и Сибири; центрально-европейские славяне, населяющие такие страны, как Польша, Чешская Республика, Словакия и Силезия; и, наконец, южные славяне, самыми многочисленными из которых являются сербы, наряду с хорватами, черногорцами, болгарам и македонцами (но не словенцами или албанцами). Южные славяне – преимущественно христиане, хотя с некоторыми различиями. К примеру, большинство сербов принадлежат к православной церкви, а хорватов – к римской католической.

Немалую часть XIV века Сербия была самой могущественной державой Балкан, но в 1389 г. потерпела поражение в битве на Косовом поле, после чего утратила свое военное превосходство. После битвы при Смедерево в 1459 г. независимое королевство Сербия отошло к Османской империи со столицей в древнем Константинополе (ныне Стамбул). Поражение на Косовом поле в 1389 г. нанесло глубокую травму в сербскому национальному самосознанию – травму, от которой оно не могло излечиться на протяжении столетий. Несмотря на то, что к концу XX века провинция Косово была населена в основном этническими албанцами, она приобрела для Сербии особую психологическую значимость. Все это имеет некоторое отношение к истории Джоковича: отец и дед Джоковича были родом из Косово; горнолыжный курорт Копаоник, где Новак начал учиться играть в теннис, находится прямо на границе между бесспорно сербской территорией и Косово. Вдобавок именно сербо-албанский конфликт в Косово привел к бомбардировкам Белграда войсками НАТО в 1999 г., от которых пришлось прятаться Джоковичу.

До 1918 г. большинство южнославянских народов пребывали под владычеством крупных империй, в основном Османской и Австро-Венгерской. Распад этих империй начался задолго до Первой мировой войны. Расцвет империи османов пришелся на XVI–XVII вв., а к 1850 г. ей становилось все труднее удерживать свои владения. Тем временем правившему Австро-

Венгрией королевскому семейству Габсбургов приходилось гасить внутренние конфликты все ближе к центру империи, поскольку на территориях нынешних Чешской Республики, Словакии и Венгрии нарастали националистические настроения.

К середине XIX в. все чаще слышались предложения в адрес южных славян объединить силы, стать единой страной, а самые многочисленные группы стремились к независимости и созданию национальных государств. Сербия и Черногория первыми вырвались из-под турецкого контроля и стали суверенными государствами в 1878 г. в результате русско-турецкой войны. Внешняя политика России в то время была направлена на получение выхода к Средиземному морю, поэтому ей очень важно было дружить с еще одной славянской страной. На этой основе развился военный и дипломатический альянс Сербии и России, сыгравший определенную роль в том, каким образом началась Первая мировая война. Согласно традиционной версии событий, убийство радикально настроенным сербом Гаврило Принципом наследника австро-венгерского престола, эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево в июне 1914 г. спровоцировало дипломатические ответные меры и мобилизацию войск, которые пять недель спустя привели к началу войны. В отместку за убийство эрцгерцога Австрия объявила войну Сербии, Россия была вынуждена прийти на помощь Сербии, Германия пришла на помощь Австрии, и все это вылилось в первый по-настоящему глобальный конфликт.

Сравнительно недавно было высказано предположение, что это слишком упрощенное объяснение и что Германия была исполнена решимости развязать войну, искала только повода объявить ее Сербии. Какими бы ни были исходные мотивы, к лету 1914 г. Европа напоминала собранный для растопки сухой хворост, и достаточно было искры, чтобы пламя охватило целый континент. Убийство в Сараево стало как раз такой искрой.

Вслед за распадом Османской и Австро-Венгерской империй, в 1918 г. начался период, благоприятный для появления новых государств на юго-востоке Европы. Однако память о жизни в подчинении вместе с опасениями, что теперь уже Италия может посягнуть на значительные территории у Адриатического побережья, привели к образованию страны, которую первоначально составило несколько южнославянских народов. Эта страна была названа Королевством сербов, хорватов и словенцев, но включала также Черногорию, Боснию и Герцеговину, а также Славонию на востоке Хорватии, полуавтономный регион Венгрии и Далмацию (Моника Селеш, самая титулованная теннисистка Югославии, – этническая венгерка родом из Нови-Сада в сербской провинции Воеводина).

Образование нового королевства было провозглашено в декабре 1918 г. Им стала править сербская королевская семья, вначале – в лице короля Петра I Карагеоргиевича. Для многих сербов это королевство стало продолжением суверенной Сербии, существовавшей с 1878 г., и, конечно, это была независимость – по сравнению с существованием в составе любой из империй. Но, возможно, сербам было легко так считать по той причине, что в новом королевстве они оказались господствующей нацией. В отличие от хорватов, словенцев и других народов, для которых эта независимость оказалась достаточно ущербной, по крайней мере, по сравнению с теми независимостью и суверенитетом, которые они обрели в начале 90-х гг. XX века.

Что касается религии, то сербы – православные, а хорваты – римские католики, но сербский язык ближе всего к хорватскому (почти как британский и американский английский друг к другу). Македонский и словенский языки также являются родственными этим языкам. Ввиду постоянных и масштабных миграций, а также браков между представителями разных славянских народов новое королевство должно было состояться. Ведь сумели же в 1871 г. объединиться 22 немецкоязычных королевства, княжества и герцогства, образовав новую страну Германию. И хотя впоследствии она втянула мир и саму себя в кровопролитную войну, но выступала как единая страна. Этнические, лингвистические и культурные различия между сербами и хорватами выражены не так явно, как между жителями Пруссии и Баварии, тем более новое государство южных славян имело все шансы на успех.

Но лишь теоретически. А на практике национализм, вызревавший предыдущие 70 лет, никуда не исчез, только теперь он был направлен против нового королевства со столицей в Белграде, а не против архаичных правителей в Константинополе или Вене. Первым результатом стало укрепление государственной власти. В 1929 г. в королевстве прочно установилась диктатура. Внешним признаком этого стала смена названия: поскольку королевство представляло собой союз южнославянских народов, его называли Югославией, от славянских слов «юго» (юг) и «славия» (славяне).

В 1934 г. Югославия пережила убийство своего короля Александра I Карагеоргиевича (кстати, поклонника тенниса), которого застрелил македонец, сотрудничавший с хорватскими сепаратистами, – но не устояла в начале Второй мировой войны. В 1941 г. ее захватили страны «оси» (Германия и Италия), учредившие фашистское правительство во главе с хорватами – правительство усташей. Усташи приступили к уничтожению евреев и цыган, сербы же сделались гражданами второго сорта, если не ниже. По сути дела, происходила этническая чистка, хотя этот термин вошел в широкое употребление лишь в 90-х гг. XX в. Говоря о гражданской войне в Югославии, люди обычно имеют в виду события 1990-х гг., которые привели к распаду Югославии и созданию новых суверенных государств, однако период с 1941 по 1945 г. был ознаменован не менее жестокой гражданской войной, которая с новой силой вспыхнула в 1990-х гг. Зверства усташей (даже некоторые представители верховного командования в Берлине считали, что их прислужники в Загребе заходят слишком далеко) вызвали сопротивление у четников, представителей промонархистского сербского движения, а также партизан – коммунистического движения во главе с участником русской революции Иосипом Броз Тито. Так что пока на севере бушевала Вторая мировая война, усташи, четники и партизаны вели кровопролитные сражения на руинах бывшего суверенного государства.

В результате победил Тито со своими партизанами и провозгласил новую Республику Югославию, в которую вошли шесть федеративных государств: Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Черногория, Македония. Столицей стала столица Сербии – Белград. Тито, провозгласивший лозунг «братство и единство», стоял на коммунистических позициях (в том, что касалось контролируемой государством экономики). Он обладал колоссальной личной харизмой; кроме того, в его жилах текла хорватская (по отцу) и словенская (по матери) кровь. А вел он свою деятельность из штаб-квартиры в столице Сербии. Пользуясь материальной поддержкой антигитлеровской коалиции (Великобритании, США и СССР), среди многих соотечественников он обрел славу освободителя Югославии, по сути – единого национального лидера.

Тито правил Югославией в течение 35 лет. Поначалу он был сторонником коммунистического режима Сталина, но в 1948 г. разорвал связи с Москвой и продолжил строить новую Югославию по собственным лекалам. Во время холодной войны Югославия и ее лидер завоевали уважение во всем мире как одни из ключевых участников Движения неприсоединения – открытой организации довольно крупных стран, отказавшихся выступать в роли союзников либо США, либо СССР. При нем страна пережила экономический бум 1950–1960-х гг.; кроме того, Тито разрешил гражданам Югославии свободно ездить за границу, что не позволялось в других странах советского блока.

Запад любил Югославию – ему нравилось видеть в Восточной Европе коммунистическое государство, ускользнувшее из-под каблука Москвы. Но Тито старел, и вместе с тем росли опасения: неужели только ему одному под силу удержать вместе шесть разных государств? Многие задавались вопросом, что будет, когда Тито не станет. Одни беспечно утверждали, что структура правительства Югославии как-нибудь выдержит потерю одного человека, особенно если появится другой лидер, другие боялись худшего. В каком-то смысле правы оказались и те и другие.

Тито умер в 1980 г., и некоторое время жизнь в Югославии шла по-прежнему. Но глубоко вьевшиеся националистические настроения, которые Тито держал под контролем (порой путем неприкрытого давления – его режим называли «железным кулаком в бархатной перчатке»), продолжали усиливаться, и по мере того, как поддержка идей коммунизма в Восточной Европе конце 1980-х гг. ослабевала, национализм в шести югославских государствах разрастался.

Когда президентом Сербии стал Слободан Милошевич, тем, кто надеялся на появление влиятельной фигуры, которая заменит Тито, показалось, что такой человек наконец нашелся. Определенно, он был весьма энергичным лидером, наделенным харизмой, который хотел править всей Югославией. Но Тито имел смешанные хорватско-словенские корни и в Белграде чувствовал себя как дома, а Милошевич оставался сербом до мозга костей. И если его ораторское искусство и вдохновляло сербов, то оно было ненавистно другим народам Югославии, поэтому стать лидером калибра Тито Милошевичу было нечего и мечтать.

Осознав, что Сербии не светит подмять под себя всю Югославию, Милошевич взял курс, который фактически создал условия для войн, потрясших федерацию. Он сравнительно спокойно воспринимал выход из Югославии народов, образующих то или иное союзное государство, при условии, что они не забирают с собой территории, где превалирует сербское население. Так, к примеру, он согласился на выход Словении, поскольку на ее территории сербы почти не проживали, и не препятствовал обретению независимости Хорватией, если к ней не отходила область Краина, где жили в основном сербы. Однако сербы, хорваты, боснийцы, черногорцы, македонцы, албанцы и представители других народов мигрировали и заключали браки в пределах южнославянских государств на протяжении десятилетий (это относится и к родителям Новака Джоковича – косовскому сербу и черногорцу отцу и матери хорватке), поэтому любая попытка четкого разделения на этнически однородные государства неизменно предвещала серьезные проблемы.

В марте 1990 г. Милошевич встретился с новым хорватским лидером Франьо Туджманом (ветераном кровопролитной гражданской войны 1941–1945 гг.). Хотя на встрече речь шла о разделении Боснии по национальному признаку – для того чтобы боснийские сербы и боснийские хорваты могли присоединиться к независимым Сербии и Хорватии, – на деле стороны создавали все условия для войны. Эта война разразилась в следующем году и имела ужасающие последствия.

Глава Третья

Ноле и Еца

Известно высказывание, что за каждым успешным мужчиной стоит сильная и влиятельная женщина. Это изречение понемногу утрачивает справедливость в нынешних социальных обстоятельствах: в условиях распада браков, однополых связей и групп вместо прежних семейных структур. Но в применении к Новаку Джоковичу оно по-прежнему остается в силе. За его успехом, несомненно, стоит женщина. Эта женщина – Елена Генчич.

Возможно, когда-нибудь наделенный богатым воображением кинорежиссер снимет фильм о взаимоотношениях Джоковича и Генчич. И, может быть, назовет его «Ноле и Еца» – именами, которыми эти двое звали друг друга («Ноле» – типичное уменьшительное от имени «Новак», а «Еца» или «Ека» – распространенная в определенной возрастной группе короткая форма имени «Елена»). Это будет сдержанный и строгий фильм, где особую роль будет играть выражение глаз мальчика, играющего Новака, и такую же ключевую роль – классическая музыка, – может быть, «Адажиетто» из 5-й симфонии Малера, как в потрясающем фильме Лукино Висконти «Смерть в Венеции» (1971 г.). Необычная, врезающаяся в память музыка – и необычные, не поддающиеся никаким стандартным попыткам классифицировать их, отношения между двумя людьми. Скорее всего, Джокович стал бы прославленным теннисистом и без Генчич, но наверняка без нее он не стал бы той личностью, какой является сейчас.

Генчич работала не только с Джоковичем, но и с Моникой Селеш, и сыграла небольшую, но значительную роль в годы становления Горана Иванишевича как спортсмена. За все это Елена Генчич вправе претендовать на звание одного из выдающихся теннисных тренеров своей эпохи. Впрочем, она не только отрицала сей факт, но даже не любила называть себя тренером. Во времена, когда практически было невозможно заниматься чем-либо профессионально, не имея официального образования, она вела тренерскую работу вплоть до последней недели своей жизни, ни разу не сдав квалификационных экзаменов или тестов на тренера. В университете она получила диплом по истории искусств, ее второй специальностью была психология, карьеру она строила как продюсер, редактор и режиссер на телевидении.

Елена Генчич, дочь серба и австриячки, родилась в октябре 1936 г. Ее семья занимала в Югославии довольно видное положение. Дед, Лазарь Генчич, изучал медицину в Вене, стал руководителем в системе здравоохранения и основал военный госпиталь. Он твердо верил в то, что в здоровом теле – здоровый дух, и требовал, чтобы его дети и внуки занимались физкультурой на свежем воздухе каждый день, в любую погоду.

Двоюродный дедушка Елены занимал пост министра внутренних дел в первом правительстве Югославии после Первой мировой войны. Отец, Йован, мечтал о карьере пианиста, и хотя его мечта не сбылась, он стал уважаемым юристом. Известная актриса Ана Маринкович (1882–1973) приходилась Елене теткой. В детстве, следуя примеру отца, Елена училась играть на фортепиано и достигла неплохих успехов, но ее подлинной страстью были два вида спорта – теннис и гандбол. Она входила в сборную Югославии по гандболу и завоевала 32 национальных теннисных титула.

В то время теннис был спортом любителей, а Югославия – страной с социалистической (контролируемой государством) экономикой. Генчич не приходилось ни за что платить, но от нее ожидали отдачи – пусть обучает спортивную молодежь. Поэтому неофициальной тренерской работой она занялась еще задолго до того, как в 1976 г. закончила участвовать в турнирах.

В Югославии в 1950–1960-х гг. поездки за границу разрешались только двум лучшим игрокам. Сопровождающей свиты, как это принято сегодня, им не полагалось. Генчич нередко

приходилось играть в Уимблдоне или в Форест-Хилс (бывшем месте проведения Открытого чемпионата США) уже на следующий день после утомительного путешествия. Одно из поражений в самом начале турнира побудило ее задуматься о помощи таким игрокам, как Селеш и Джокович. «Я знала, что когда перестану участвовать в турнирах, то буду помогать молодым играть в теннис, – рассказывала она, – особенно тем, у кого нет тренера. Мне хотелось объяснять и показывать им, как надо играть, поэтому я воспользовалась поражением во втором круге в Форест-Хилс, чтобы заняться покупкой книг. В Америке публикуются отличные статьи и книги по теннису, поэтому я не покупала ничего другого, только эти книги, особенно Вика Брейдена, и собирала библиотеку».

Когда в 1968 г. теннис стал профессиональным видом спорта, Генчич исполнился 31 год, и она уже, говоря объективно, вышла из того возраста, когда ракетка могла бы стать для нее единственным источником средств к существованию. К тому же в это время начала складываться ее карьера на телевидении. Но, как и следовало ожидать, к Генчич обратились с просьбой заняться организационной стороной тенниса. Поскольку она выступала за белградский клуб «Партизан» (ведущие европейские клубы объединяют разные виды спорта, поэтому к белградским клубам «Партизан» и «Црвена Звезда», широко известным своими футбольными командами, относятся также и команды по другим видам спорта), то руководство клуба пригласило известную теннисистку присоединиться к их работе. Дальше ее ждало место президента клуба, а возможно, и Югославской федерации тенниса. Так она и продвигалась вверх по непрофессиональной административной лестнице, совмещая эту деятельность с основной работой на телевидении. Эта двойная жизнь ей явно доставляла радость.

Два мира Елены Генчич никогда не соприкасались. Ее карьера на телевидении не имела никакого отношения к спорту. Она работала почти исключительно над передачами, посвященными культуре, преимущественно истории сербского и мирового искусства, а также над программами о классической музыке и театре. Каждые пять лет она меняла направление, поскольку ее интересы были разносторонними. Но в сфере спорта на телевидении она не работала никогда, так как на югославском телевидении политические и спортивные репортажи были объединены в одной редакции, а культура и искусство – в другой.

Ситуация начала меняться с наступлением 1980-х гг., когда Генчич, отметившая к тому времени сорокалетие, обратила внимание на одну девочку, которая выглядела слишком маленькой для своих восьми лет. Она была этнической венгеркой из Нови-Сада, города на севере Сербии, 20 % населения которого составляли этнические венгры. Девочку звали Моника Селеш. «Она была такой маленькой, совсем крошечной, – вспоминала Елена Генчич, – но я разглядела что-то у нее в глазах. Я всматривалась в глаза каждого ребенка. Когда ко мне приводили мальчика или девочку и им хватало выдержки смотреть на меня дольше 10–15 секунд не отводя взгляд, я говорила: „У этого ребенка есть умение сосредоточиваться, мотивация и терпение – возможно, он будет старательно тренироваться“. Обычно, когда заговариваешь с шести- или семилетним ребенком, он быстро начинает смотреть по сторонам. Некоторое время я наблюдала за Моникой. Ее отец Карой пригласил меня к ним в Нови-Сад. В общей сложности я проработала с Моникой более трех лет и часто сопровождала ее в поездках».

Во многих источниках говорится, что Елена Генчич тренировала Моника. Но ее официальным тренером Генчич никогда не была. Она была капитаном команды юниоров Югославской федерации тенниса и сопровождала самых одаренных спортсменов в поездках. Больших достижений ждали не только от Моника Селеш. Еще один способный югославский теннисист, хорват Горан Иванишевич, был всего полутора годами старше Моника. Вместе с Селеш и Иванишевичем Генчич побывала на турнирах в Брюле, Германия (на родине Штеффи Граф), и в Блуа, Франция. Но единственными официальными тренерами Моника Селеш считались ее

отец Карой и брат Золтан, проводившие вместе с ней на корте долгие часы. (Моника не считает своим тренером даже Ника Боллеттери, хотя признает, что он оказал ей неоценимую помощь.)

Смена рода деятельности Генчич, вероятно, к тому времени уже назрела: с трудом верится, что при таком складе характера она могла не стать тренером по теннису. Тем не менее именно в ходе наблюдения за Селеш ее спортивное и педагогическое «я» собралось в единое целое, что в конце концов и сделало ее официальным наставником молодых теннисистов. Однажды, находясь в отпуске по болезни, она сказала себе: «Елена, рано или поздно ты все равно уйдешь с телевидения. У нас нет тренера, а ты ведь в университете вела занятия по теннису, твое второе образование – психолог, так почему бы тебе самой не стать тренером? Любого можно научить форхендам, бекхендам и смэшам, но гораздо труднее объяснить, как выигрывать матчи и быть психологически устойчивым. Как распознать будущего чемпиона? Возможно, я и сама чему-нибудь научусь!»

Это было не просто обучение. Елена Генчич была одной из семи детей в семье (четыре девочки и три мальчика), но своих детей не имела. Работой с Селеш началась ее «большая семья», то бишь подготовка нескольких способных молодых игроков.

Селеш очень высоко отзывается о наставнице:

«Я отношусь к ней с большим уважением не только за ее достижения в теннисе, но и за все, что она сделала для женщин и девочек Сербии. Женщин не ставили в один ряд с мужчинами, у них не было таких же возможностей: моему отцу всегда приходилось сражаться за то, чтобы нам предоставляли удобное место для тренировок, я начинала играть на автостоянке, и это было одной из причин, по которым мы решили уехать, когда мне исполнилось 11 лет – зачастую мы просто не могли найти корт. Елена стала первопроходцем в женском теннисе. Ана Иванович и Елена Янкович, вероятно, даже не сознают, скольким обязаны ей. В последний раз я видела Елену Генчич, когда мне было 11 лет, но до сих пор очень тепло вспоминаю о ней. От нее исходило тепло, она всегда улыбалась. Эта добрая душа посвятила свою жизнь теннису в стране, где женщинам не было места в спорте».

Испытанием для «доброй души» стала работа с юным Иванишевичем, который уже тогда слыл неуправляемым ребенком. «Когда мы оставались с ним вдвоем, у меня не возникало никаких трудностей, – рассказывала Елена Генчич. – Мы с Гораном и Моникой всюду ездили вместе, и все спрашивали меня, как я справляюсь с Иванишевичем. А я отвечала: „Он замечательный!“ Я никогда не говорила ему обидных слов, всегда была настроена позитивно. Неприятности с ним возникали у всех, кроме меня. И Моника помогала мне справиться с Гораном – они очень сдружились. Я относилась к ним как к родным детям».

В общих чертах все так и было, но ошибается тот, кто думает, что все шло как по маслу. На европейский чемпионат в Гейдельберге, в котором участвовали спортсмены младше 14 лет, Генчич привезла обоих своих подопечных. 12-летняя Селеш выиграла, чего от нее и ждали (всего четыре года отделяли ее от победы на Открытом чемпионате Франции), а Иванишевича дисквалифицировали в полуфинале за неподобающее поведение и по меньшей мере одну сломанную ракетку. «У него разыгрались нервы, – признавала Генчич, – это было отталкивающее зрелище».

Однажды Генчич, Селеш и Иванишевича поселили в одном гостиничном номере – на престижном турнире «Оранж Боул». Явно провоцирующая ситуация для неуправляемого ребенка. Как-то днем, когда Генчич и Селеш прилегли вздремнуть, Иванишевич оторвал голову у куклы, которая принадлежала Селеш. «Елена наказала меня, – вспоминает Иванишевич. – Сказала: „Больше не смей так делать“, и мне пришлось бегать несколько кругов только потому, что я оторвал кукле голову». На вопрос, зачем ему понадобилось калечить куклу, Иванишевич отвечает: «Кукла была противная и действовала мне на нервы. В 12 лет творишь всякие глупости». Селеш не припоминает подобного случая.

В 1992 г. президент государственного туристического агентства Genex предложил Генчич стать директором теннисного лагеря, который предполагалось организовать в туристическом комплексе агентства в Копаонике. Копаоник – центр горнолыжного спорта и пешего туризма в горах на границе Сербии и Косово. В зимние месяцы курорт пользовался популярностью, но летом, несмотря на живописность ландшафта, туда мало кто приезжал. Поэтому организация летней теннисной школы и обустройство пяти хард-кортов напротив небольшого торгового центра казались удачной идеей.

Генчич заинтересовалась этим предложением, однако посчитала проблематичным срок работы летнего лагеря – девять недель. Она еще не брала отпуск, но даже если бы ей дали сразу все полагающиеся дни, то девяти недель все равно бы не набралось. Руководство югославского телевидения пошло Елене навстречу – решило дать ей три дополнительные недели отпуска, – и Генчич согласилась. Вопрос об оплате не возникал – Генчич ничего не требовала, а лагерь был государственным. Ей было предоставлено необходимое теннисное оборудование и выделено по одному тренеру на корт. У Генчич появилась возможность разработать свою программу тренировок, объяснять тренерам их задачи, осуществлять за ними строгий надзор и следить за всеми кортами на правах руководителя. Поскольку ее имя кое-что значило для родителей юных спортсменов, лагерь быстро сделался популярным.

В первое же утро, примерно через час после начала работы, Генчич обратила внимание на мальчика, который не входил в группу теннисистов, но стоял, прижавшись к ограде одного из кортов, и пристально наблюдал за происходящим. Поначалу ей было не до него, но мальчик не уходил, и она, разговаривая с одним из тренеров, заметила, что у них появился увлеченный зритель. Потом руководительница лагеря перешла на другой корт. Мальчик следовал за ней – он явно хотел видеть то же, за чем наблюдала она. Он оставался на своем посту до конца тренировки.

Когда в лагере был объявлен обеденный перерыв, Генчич подошла к мальчику.

– Привет! я видела, ты смотрел на нас. Ты знаешь, что это за спорт?

– Да, это теннис, – ответил мальчик. – Месяц назад в Белграде я пробовал играть.

– Сколько тебе лет?

– Пять.

– А ты хотел бы играть с нами? – спросила Генчич.

– Я как раз ждал, когда вы меня позовете.

Дерзость мальчишки стала для Генчич неожиданностью.

– Ладно, – сказала она, – можешь позаниматься с нами сегодня днем. Как тебя зовут?

– Новак. Новак Джокович.

– Долго ты здесь пробудешь?

– Все лето.

– Ты что же, живешь здесь?

– Мама с папой здесь работают, у них пиццерия напротив кортов.

– Сможешь прийти в два? Сейчас у нас двухчасовой обеденный перерыв, а в два мы продолжим занятия. Ракетка у тебя есть?

– Есть.

– А обувь и все остальное?

– Тоже есть.

– Хорошо, тогда до встречи в два.

Прежде чем уйти обедать, Генчич подозвала тренеров:

– Пожалуйста, понаблюдайте за этим мальчиком. Особенно за его глазами. Он пришел сюда один, без родителей или еще кого-то – любопытно!

В Копаонике Генчич жила неподалеку от кортов, в многоэтажном доме, и видела корты из своего окна. В половине второго посмотрела вниз: мальчик уже ждал ее с сумкой. Так что Генчич вернулась на корты раньше, чем требовалось.

– К сожалению, – соврала она, – я забыла, как тебя зовут.

– Меня зовут Новак, – ответил мальчик. – Не забывайте больше.

– Извини, сынок, больше никогда не забуду.

Переведя взгляд на его сумку, Генчич продолжала:

– Итак, давай поговорим о теннисе. Что у тебя в сумке?

– Все, что мне нужно, – и он показал ей одну ракетку, одну бутылку воды, два напульсника, полотенце, банан и три чистых майки.

– Как ты узнал, что тебе понадобится?

– Видел по телевизору.

– И кого же ты видел?

– Сампраса, Агасси, Эдберга.

Шла вторая неделя «Уимблдона», и по телевидению часто показывали теннис.

– Кто собрал тебе сумку? – продолжала расспросы Генчич. – Мама?

Мальчик сердито нахмурился.

– Я сам! Ведь это я буду играть здесь в теннис, а не мама.

– Ох, Новак, опять я ошиблась! Ты уж извини меня, пожалуйста.

Только в декабре 2012 г., спустя более чем 20 лет, Джокович признался Еце, что в тот раз он соврал и что сумку ему действительно собрала мама. Впрочем, насмотревшись тенниса по телевизору, это же он объяснил матери, что именно должно лежать в сумке. Но дело, конечно, было не в том, кто и что положил в спортивную сумку. Мальчик показал, что у него есть характер, и Генчич это поняла. «Пять лет, а уже такой самолюбивый! – вспоминала она. – Он считал, что я обязана помнить его имя – а я и не забывала, я испытывала его, как делала всегда, а его умение смотреть прямо в глаза во время разговора сразу навело меня на мысль, что это незаурядный мальчик».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.